

Абрамян З.А.¹, Хломов К.Д.¹ Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением: «Как употребил, сразу думаю о смерти»

Abramyan Z.A.¹, Khlomov K.D.¹ Attitude to death in adolescents with addictive behavior: "As soon as I use it, I immediately think about death"

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Предмет настоящего исследования – отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением и с разным типом привязанности. В статье предлагается теоретический обзор темы отношения к смерти и описание проведенного эмпирического исследования и его результатов. Исследование было проведено на группе подростков с аддиктивным поведением и подростках группы «норма», не употреблявших наркотики с помощью опросников «Отношение к смерти», «Страх личной смерти» и «Опыт близких отношений», а также с помощью индивидуальных интервью, обработанных путем контент-анализа. Полученные результаты показали, что у подростков с аддиктивным поведением обнаружена тенденция к тревожному стилю привязанности при отсутствии значимых различий между группами по шкале страха смерти. Однако между ними были выявлены значимые различия в отношении к смерти и в содержании переживаний, с ней связанных.

Ключевые слова: отношение к смерти, подростковый возраст, аддиктивное поведение, привязанность, страх смерти

Введение

Аддиктивное поведение, особенно в форме наркотической и алкогольной зависимости, является актуальной проблемой как в России, так и во всем мире. По данным ООН, в России за последние десять лет число наркозависимых увеличилось в десять раз [World Drug Report, 2018]. По официальным данным ФСКН на 2017 год 18 млн. россиян пробовали наркотики или употребляют их нерегулярно, еще 8 млн. – употребляют наркотические вещества регулярно. Ежегодная смертность от связанных с употреблением наркотиков причин составляет в 2019 году около 70 000 человек, это число кроме передозировок наркотиками также включает и смертельные исходы от сопутствующих заболеваний (например, от ВИЧ-инфекций, гепатитов, сердечных заболеваний), убийств и самоубийств, совершенных под действием ПАВ [СтопЗависимость, 2021]. Особенно актуальна проблема аддиктивного поведения в подростковой и юношеской возрастной группе. Так, по данным Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, 60% наркозависимого населения РФ в 2019 году – в возрасте от 16 до 30 лет, а 20% от всего наркозависимого населения РФ – младше 13 лет [СтопЗависимость, 2021]; по данным ООН, средний возраст наркозависимых людей составляет 15-18 лет [World Drug Report, 2018]. Кроме того, около 80% из всех подростков, начавших употребление в подростковом возрасте, продолжают употреблять алкоголь и наркотики в возрасте старше 27 лет. Таким образом, именно в подростковый период человек оказывается наиболее уязвим для злоупотребления алкоголем и наркотическими веществами, а также для формирования аддиктивного поведения.

Изучение отечественных исследовательских работ, связанных с темой смерти, показало, что большая часть из них сосредоточена на отношении к смерти, а не к страху смерти [Баканова, 2015]. Страх смерти воспринимается в обществе как один из конструктов, тормозящих рисковое поведение. Изучение страха смерти у подростков с аддиктивным поведением позволит понять, связан ли страх смерти с такой формой рискованного поведения, как аддиктивное, и влияет ли отношение к смерти на тенденцию рисковать или не рисковать своей жизнью и своим здоровьем, употребляя наркотики. Включение в исследование данных о проявлениях эмоциональной привязанности, которые, как было показано в рамках теории управлением страха смерти, являются определяющими особенностями культурного буфера тревоги, защищающего от переживания страха смерти [Чистопольская К.А. с соавт., 2018], также даст возможность рассмотреть их связь с отношением к смерти и аддиктивным поведением. Другим важным фактором, связывающим переживания тревоги, страха и в то же время связанным с аддиктивным поведением в подростковом возрасте, может быть тип привязанности, характерный для человека. Опыт потерь, особенно опыт потерь близких

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением... отношений может способствовать формированию определенного типа привязанности, влиять на аддиктивное поведение и на характеристики привязанности на протяжении всей жизни и в подростковом возрасте.

Такое аддиктивное поведение, как злоупотребление психоактивными веществами, мы можем рассматривать в качестве одной из форм рискованного поведения [Рахимкулова, Розанов, 2013]. Принимая решение употребить психоактивное вещество, человек идет на риск, осознавая опасность для здоровья и жизни, а также сопутствующие социальные риски, такие как: негативное отношение близких, ущерб развитию, нарушение норм законодательства, негативные последствия для индивидуальной траектории и т.д.; а продолжая употребление – игнорирует устойчивое ухудшение социальных, психологических проявлений, в том числе в период интоксикации.

Дополним, что продолжительное употребление психоактивных веществ приводит к необратимым изменениям нервной системы аддикта, что делает возможным изучение лишь последствий употребления ПАВ. В подростковом возрасте у человека, как правило, проявляется еще не химическая зависимость, а само по себе аддиктивное поведение, то есть тенденция принимать ПАВ [Личко, 1991]. Это делает возможным изучать не симптомы и последствия заболевания, а психологическую составляющую аддиктивного поведения. Однако, несмотря на острую социальную нужду и наличие теоретических предпосылок предполагать различия в отношении к смерти у подростков с аддиктивным и неаддиктивным поведением, взаимосвязь аддиктивного поведения, отношения к смерти и привязанности остается недостаточно изучена. Целью данной статьи является изучение различий отношения к смерти, проявлений эмоциональной привязанности, взаимосвязи опыта потерь у подростков с аддиктивным и неаддиктивным поведением.

Отношение к смерти

Исследователи отношения к смерти очень давно связывают с переживаниями тревоги, страха, испуга [Мэй, 1977]. Разведение понятий тревоги смерти и страха смерти первично принадлежит С. Кьеркегору, который противопоставил любому предметному страху страх «ничто», то есть страх того, с чем «у индивида нет ничего общего», страх исчезновения [Кьеркегор, 1993]. И. Ялом называет «страх ничто» тревогой смерти, которой невозможно противостоять, потому что она абсолютно непонятна и бесплотна, в связи с этим тревога смещается «от ничто к нечто», трансформируется в страх чего-то конкретного, которому можно противостоять. Так, например, тревога смерти становится страхом боли, страхом быть

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением... забытым, страхом за близких людей. И. Ялом разделяет тревогу смерти на осознаваемую и неосознаваемую, связывая переход неосознаваемой тревоги на осознаваемый уровень с травматичным опытом, например: с угрозой собственной жизни, необходимостью принять жизненно важное решение, радикальными изменениями в ценностно-смысловых ориентациях личности [Ялом, 2000]. О парадоксе места темы смерти в культуре, сопровождающем развитие подростков, когда с одной стороны в СМИ, в фильмах, компьютерных играх и новостях о смерти говорится очень много, но с другой стороны фактически в жизни тема переживаний и обсуждения отношения к смерти табуирована в современном обществе, пишет А.Б. Холмогорова [Холмогорова, 2003].

Страх смерти может рассматриваться как результат научения в процессе развития и в русле изучения совладания с различными угрозами [Kastenbaum., 2000]. Также, интересными являются представления теории управления ужасом (Дж. Гринберга, С. Соломона, Т. Пицински), предполагающие, что во многом поведение направлено на достижение психологического спокойствия в ситуации осознания человеком своей смертности при этом встреча с мыслями о смерти в повседневной жизни будет приводить к готовности большего риска в своей жизни, более резким поступкам и др. [Баканова, 2015].

Страх смерти и тревога смерти могут быть причиной или быть связанными со многими психопатологиями. Например, Р. Скуг отмечал, что более, чем 70% пациентов с неврозом навязчивых состояний в процессе психотерапии обнаруживают травматичный опыт столкновения со смертью. Отвращение к гниению, грязи и микробам, характерное для невроза навязчивых состояний, стремление проконтролировать имеют взаимосвязи с тревогой смерти, по данным В. Швиддер и Э. Штраус [Yalom, 1980]. В. Крал связывает тревогу смерти и ипохондрию [Yalom, 1980]. Р. Кастенбаум и Р. Айзенберг пишут, что у подростков страх смерти выше, нежели в любой другой возрастной группе [Kastenbaum, Aisenberg, 1977]. В рамках предлагаемого А.А. Бакановой подхода к изучению страха смерти могут быть выделены антропологический, гносеологический, аксиологический, праксиологический и онтологический аспекты изучения страха смерти. Описанное в данной статье исследование затрагивает в большей степени аксиологический и праксиологический аспекты [Баканова, 2015].

В исследовании отношения к смерти у подростков с онкологическими заболеваниями было показано, что они чаще воспринимают смерть как средство разрешить свои проблемы, способ выйти из трудной ситуации и чаще испытывают страх и тревогу отношении смерти. Также,

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением... подростки с онкологическими заболеваниями стремятся говорить о смерти, обесценивая и высмеивая ее, как возможный способ совладания [Медведева, Кадыров, 2019].

Результаты исследования Б. Уриена показали, что тревога по поводу личного будущего (и обеспокоенность жизнью в целом) и страх смерти взаимосвязаны. По данным Б. Уриена, чем больше страх смерти, тем меньше человек ориентируется на поиск удовольствий в настоящем [Urien, 2007]. А. Шутова в исследовании страха смерти и смысложизненных ориентаций в подростковом возрасте показала взаимосвязь низкого уровня страха смерти с высоким интересом к жизни, наличием целей на будущее и с представлением о том, что жизнь не управляема данным человеком. Средний уровень страха смерти у подростков взаимосвязан с удовлетворенностью собой на данный момент и в прошлом, с ощущением возможности контроля над своей жизнью, с низким интересом и эмоциональной вовлеченностью в жизненный процесс. Высокий уровень страха смерти, как и низкий, связан с высоким интересом к жизни, а также с удовлетворенностью собой на данный момент, отсутствием целей на будущее, с отсутствием представлений о том, что жизнь контролируется данным человеком, и кем-либо/чем-либо другим [Шутова, 2005]. Эти неоднозначные данные позволили сделать предположение о необходимости исследования взаимосвязи страха смерти как фактора защиты и аддиктивного поведения.

Страх смерти и привязанность

В ряде отечественных и зарубежных исследований показано, что вся значительная область психопатологии может быть объяснена с помощью теории привязанности, направленной на изучение связи между типами привязанности и различными психическими нарушениями [Дианова, 2019; Tasca, 2019; Kerstis, Åslund, Sonnby, 2018; Чистопольская и др., 2015; Сабельникова, Каширский, 2015]. Впервые привязанность начал исследовать Джон Боулби в середине прошлого века, он проводил исследования по наблюдению за детьми в школах, психиатрических и общих больницах и детских домах [Боулби, 2003]. Понимание привязанности, предложенное Боулби, подчеркивало роль активности, связанной с социальным взаимодействием, и не связанной с удовлетворением физиологических потребностей [Бурменская, 2003]. Существенный вклад в развитие этого направления внесла М. Эйнсворт [Ainsworth и др., 1978], описавшая три типа привязанности: один тип надежной, и два типа ненадежной – избегающую и амбивалентную/тревожную. Позже был добавлен дезорганизованный тип, развитие которого может быть последствием травматических переживаний [Main, Solomon, 1986]. Сформированные в тот период представления

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением... используются в современной теории нарушений привязанности и инструментах исследования данного конструкта [Чистопольская и др., 2018, Бриш, 2012].

Начиная с работ С. Хейзан и Ф. Шейвера исследования роли привязанности показали, что эмоциональные связи, формирующиеся в детстве, являются подобными тем, которые формируются в близких взаимоотношениях между взрослыми людьми, и привязанность во взрослом возрасте имеет те же особенности, что и привязанность ребенка к матери [Hazan, Shaver, 1987; Shaver, Hazan, Bradshaw, 1988; Сабельникова, Каширский, 2015]. Благодаря эмпирическим данным, были обнаружены сходные тенденции привязанности с выделенными ранее у младенцев – надежная, тревожно-амбивалентная и избегающая [Hazan, Shaver, 1987]. Впоследствии конструкт привязанности стал рассматриваться на основе двухфакторной модели, описывающей тенденции привязанности через сочетание степени тревожности по поводу отношений и степени избегания отношений [Bartholomew, Horowitz, 1991; Fraley, Shaver, 2000, Сабельникова, Каширский, 2015]. Важными являются исследования связи привязанности и качества жизни. Например, была отмечена обратная связь надежной привязанности и переживания одиночества и депрессии [Allen, 2007; Kenny et al., 2006; Larose et al., 2002], и положительная взаимосвязь с удовлетворенностью жизнью [Ma, Huebner et al., 2008; Сабельникова, Каширский, 2015].

Фонаги и др. [Fonagy et al., 2014] предположили, что предрасположенность к личностным расстройствам связана с отсутствием доверия, вызванного опытом ненадежной привязанности в детстве. Такие люди постоянно сталкиваются с тем, что не знают, кому и чему верить, воспринимают мир как ненадежный и угрожающий, а некоторые развивают неадаптивные способы функционирования в обществе, совершают преступления [Дианова, 2019; Velotti, 2018; Garofalo, Vogaerts, 2017, Во et al., 2018]. Исследование К. Гарофало и С. Богаэртс показало, что тревожно-амбивалентный и избегающий типы привязанности имеют связь с личностными расстройствами, а также то, что эту связь опосредует опыт нарушения доверия в детстве [Дианова, 2019; Garofalo, Vogaerts, 2017].

К исследованиям аддиктивного поведения и привязанности наиболее концептуально близкими являются работы, направленные на изучение особенностей стиля привязанности при расстройствах пищевого поведения [Tasca, 2019; Дианова, 2019; Kerstis, Åslund, Sonnby, 2018]. Они показывают, что теория привязанности может раскрывать потенциальные причины расстройств пищевого поведения и механизмы поддержания симптомов данного расстройства у взрослых. Giorgio A Tasca и др. [Tasca et al., 2019] пришли к выводу, что ненадежная

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением... привязанность связана с симптомами расстройства пищевого поведения, а также опытом жестокого обращения (физическое, сексуальное, эмоциональное насилие) или иным травматичным опытом (пренебрежение со стороны фигуры привязанности, смерть родителя). Результаты показывают, что неблагоприятный опыт взаимодействия с родителями в детстве может привести к формированию ненадежной привязанности, которая, в свою очередь, может являться предпосылкой расстройств пищевого поведения [Дианова, 2019; Tasca, 2019]. Существуют исследования, показывающие связь аддиктивного поведения в подростковом возрасте и травматического опыта [Барцалкина, 2010].

Таким образом, целью настоящего исследования было изучение содержания страха смерти и отношения к смерти, тенденции к стилю привязанности и их взаимосвязи у подростков с аддиктивным поведением.

Процедура и методика исследования

Опрос проводился очно в течение 4 месяцев 2019 года, с испытуемыми экспериментальной группы исследование могло включать беседу по вопросам анкеты. В исследовании приняли участие 152 респондента, 62 подростка (31 юноша и 31 девушка) с аддиктивным поведением (R1) в возрасте от 11 до 17 лет ($M = 15,3$), и 90 подростков (40 юношей и 50 девушек) с неаддиктивным поведением (R2) в возрасте от 15 до 18 лет ($M = 17,1$). В обработке интервью были использованы 140 анкет, а опросник привязанности проходили 134 респондента. В случае неполного или некорректного заполнения испытуемыми опросников, они были исключены из обработки результатов.

Исследование респондентов с аддиктивным поведением проводилось на базе центра психолого-педагогической реабилитации, коррекции и образования «Ариадна» и ГБУЗ МНПЦ Наркологии ДЗМ «Квартал», количество испытуемых из каждого учреждения составило 50%. Пациенты центра «Ариадна» на момент исследования находились там от полугода до года, что исключает риск влияния на ответы наркотического абстинентного синдрома. Не все пациенты реабилитационных центров имели установленный диагноз синдром зависимости от психоактивных веществ, а также более половины из участников имели множественные коморбидные нарушения, в частности диссоциативные расстройства, расстройства депрессивного спектра, расстройства личности и другие, что определило выбор в качестве основного фактора понятие «аддиктивное поведение». В Центре «Квартал» исследование проводилось на только поступивших на лечение пациентах, с целью проконтролировать возможное влияние на результаты программы реабилитации. Пациенты в

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением...
обоих центрах были приняты на лечение от наркотической и алкогольной аддикции, по решению ответственных за них лиц, родителей, опекунов или органов опеки.

Группу подростков с неаддиктивным поведением составили студенты ГПБОУ МО «Долгопрудненский техникум» и ГБОУ «Медицинский колледж». Студенты данных техникумов проходили медицинскую комиссию на наличие наркотических следов в анализах. Из исследования были исключены студенты, у которых были обнаружены следы употребления психоактивных веществ. Также данная группа представлена учащимися школ, проходившими тестирование онлайн.

Для измерения страха смерти были использованы опросник «Отношение к смерти» (Death Attitude Profile-Revised), опросник «Страх личной смерти» (Fear of Personal Death Scale), переведенные на русский язык и адаптированные К. Чистопольской, С. Ениколоповым, Е. Николаевым, Г. Семикиным, В. Храмелашвили, В. Казанцевой и Т. Журавлевой [Чистопольская и др., 2014], для исследования тенденции к стилю привязанности использовалась методика «Опыт близких отношений» [Чистопольская и др., 2018] и анкетирование из 8 вопросов, результаты которого обрабатывались методом контент-анализа. В данном исследовании использовались методы самоотчетного опроса, позволяющие при корректном использовании обеспечить высокую надежность данных, обобщить представления испытуемого о внутренних мотивах и его опыте и облегчающие сопоставление полученных результатов и их математическую обработку в отличие от проективных полупроективных и психосемантических методик.

Анкета содержала 8 блоков открытых вопросов, на которые испытуемые могли дать развернутые ответы, которые могли быть уточнены исследователем. Это были вопросы о наличии опыта потерь и степени близости испытуемого с тем, кого он потерял, наличия и частоты мыслей о смерти, направленности мыслей о смерти на себя или близких, описания переживаний и эмоций в отношении смерти, опыта болезни близких, собственных представлений о том, что станет последствиями собственной смерти, представлений о страхе в отношении возможности собственной болезни, персонального влияния на вероятность заболеть и симпатии к жизни.

Для статистической обработки результатов была использована программа SPSS v.23. Для проверки гипотез был проведен анализ сравнения средних Манна-Уитни, так как анализ Колмогорова-Смирнова показал, что распределение в выборках не соответствуют

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением... нормальному; а также Хи-квадрат для пунктов интервью. Принимавшие участие в исследовании подростки и их родители или опекуны давали письменное согласие на участие в исследовании в рамках сотрудничества с учреждениями, и дополнительно было получено устное согласие. Исследование было предварительно одобрено Этическим комитетом факультета психологии Института общественных наук РАНХиГС.

Результаты исследования

Анализ нормальности распределения внутри выборок был проведен с помощью одновыборочного критерия Колмогорова-Смирнова. В группе подростков с аддиктивным поведением распределение соответствует нормальному только по трем шкалам из одиннадцати, в связи с этим был выбран непараметрический критерий сравнения средних Манна-Уитни.

Сравнение групп подростков с аддиктивным (R1) и неаддиктивным (R2) поведением представлено ниже (таблица 1).

Таблица 1

Описательная статистика сравнения групп подростков с аддиктивным (R1) и неаддиктивным (R2) поведением

Название методики	Название шкалы	Группа испытуемых	Ср. значение	Станд. отклонение	
Отношение к смерти	Принятие-приближение смерти	R1	13,6	1,44	
		R2	12,0	1,15	
	Избегание темы смерти	R1	16,2	1,63	
		R2	18,7	1,35	
	Страх смерти	R1	16,2	1,56	
		R2	15,0	1,31	
	Принятие смерти как бегства	R1	10,0	1,09	
		R2	8,3	0,91	
	Нейтральное принятие	R1	16,6	0,78	
		R2	16,8	0,82	
	Страх личной смерти	Личность	R1	31,1	2,79
			R2	30,1	2,28
Тело		R1	8,5	1,29	

		R2	8,1	1,01	
	Стремления	R1	9,6	1,39	
		R2	8,7	1,10	
	Трансцендентное	R1	17,7	1,39	
		R2	18,3	1,24	
	Близкие	R1	16,9	1,79	
		R2	15,8	1,46	
	Забвение	R1	83,9	6,15	
		R2	81,0	4,89	
	Опыт близких отношений	Тревожный стиль привязанности	R1	27,6	2,61
			R2	20,8	2,17
		Избегающий стиль привязанности	R1	21,6	1,98
R2			19,6	1,71	

Анализ показал значимые различия по двум шкалам опросника «Отношение к смерти» и по одной шкале опросника «Привязанность к близким людям». У подростков с аддиктивным поведением, уровень принятия смерти как бегства (как способа ухода от проблем) значительно выше, чем у подростков из контрольной группы ($R1 = 87,15$; $R2 = 69,16$; $U = 2129,5$; $p = 0,013$). Также уровень избегания темы смерти у подростков с неаддиктивным поведением значимо выше, чем у подростков с аддиктивным поведением ($R1 = 66,47$; $R2 = 83,41$; $U = 2168$; $p = 0,02$). Также, были обнаружены различия между подростками из экспериментальной и контрольной групп в тенденциях к «Тревожному стилю привязанности» ($R1 = 84,96$; $R2 = 57,44$; $U = 1227$; $p < 0,001$), это позволяет говорить о том, что у подростков с аддиктивным поведением преобладают тенденции к гиперреактивности системы привязанности, проявляющейся в более интенсивном переживании страха быть отвергнутым, более сильных эмоциях, сопровождающих угрозу потери близкого человека, опасении разлуки и переживании недостатка любви [Чистопольская, 2018; Сабельникова, Каширский, 2015].

Значимых различий не было выявлено по 3 шкалам опросника «Отношение к смерти»:

- 1) «Принятие приближения смерти» ($R1 = 82,82$; $R2 = 72,14$; $U = 2398$; $p = 0,14$),
- 2) «Страх смерти» ($R1 = 81,48$; $R2 = 73,07$; $U = 2481$; $p = 0,24$),
- 3) «Нейтральное принятие» ($R1 = 72,54$; $R2 = 79,23$; $U = 2544,5$; $p = 0,35$).

По всем шкалам опросника «Страх личной смерти» не были обнаружены различия:

- 1) «Последствия для личности» ($R1 = 79,76$; $R2 = 74,26$; $U = 2588$; $p = 0,44$),

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением...

- 2) «Страх забвения» ($R1 = 79,09$; $R2 = 74,2$; $U = 2629,5$; $p = 0,54$),
- 3) «Последствия для тела» ($R1 = 81,7$; $R2 = 72,92$; $U = 2467,5$; $p = 0,22$),
- 4) «Последствия для близких» ($R1 = 73,4$; $R2 = 78,63$; $U = 2598$; $p = 0,47$),
- 5) «Трансцендентные последствия» ($R1 = 80,46$; $R2 = 73,77$; $U = 2544,5$; $p = 0,35$),
- 6) Шкала суммарной тревоги ($R1 = 69,6$; $R2 = 62,8$; $U = 2511,5$; $p = 0,29$).

И по одной шкале опросника «Привязанность к близким людям» - по шкале «Избегающий стиль привязанности» ($R1 = 69,6$; $R2 = 62,8$; $U = 13,5$; $p = 0,17$) - значимых различий между группами не было выявлено.

Отсутствие различий по всем шкалам опросника «Страх личной смерти» говорит о том, что в отношении содержания страха личной смерти подростки с аддиктивным поведением и подростки из контрольной группы не отличаются друг от друга, и возможно, что страх личной смерти и представления о нем не являются фактором, связанным напрямую с аддиктивным поведением. Возможно, что это объясняет, что запугивание последствиями, тип профилактических мероприятий, распространенный ранее в школах и интернатах, обязанных проводить профилактические мероприятия в отношении употребления алкоголя и наркотиков, имеет крайне низкую эффективность, так как не приводил к остановке или существенному снижению употребления.

Гендерные различия

Проведя сравнение мужской и женской групп между собой, мы обнаружили, что юноши демонстрируют значимо меньшее тревожное отношение к смерти, беспокойство и страх (Шкала «Страх смерти», методика «Отношение к смерти» $R1 = 61,22$; $R2 = 89,9$; $U = 1790,5$; $p < 0,001$), чем девушки. Также, юноши в меньшей степени, чем девушки, боятся того, что их уход никто не заметит (Шкала «Страх забвения», методика «Страх личной смерти» $R1 = 68,35$; $R2 = 83,64$; $U = 2297$; $p = 0,03$), и боятся последствий для тела (Шкала «Последствия для тела», методика «Страх личной смерти» $R1 = 67,2$; $R2 = 84,65$; $U = 2215$; $p = 0,014$), также общий уровень тревоги по поводу личной смерти у девушек значимо выше, чем у юношей ($R1 = 68,65$; $R2 = 83,38$; $U = 2318,5$; $p = 0,04$). Полученные данные в целом подтверждают предположения о большей склонности мальчиков к рискованному поведению в подростковом возрасте и соответствуют гендерным ожиданиям.

Также было проведено сравнение мужской ($R1$) и женской выборок ($R2$) внутри каждой из групп. В группе подростков с аддиктивным поведением анализ показал значимые различия по

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением... четырем шкалам. У девушек уровень страха смерти значимо выше, чем у юношей ($R1 = 26,24$; $R2 = 36,76$; $U = 317,5$; $p = 0,02$). Уровень страха по шкале последствий для тела у девушек также значимо выше, нежели у юношей ($R1 = 26,9$; $R2 = 36,1$; $U = 338$; $p = 0,04$). Общий уровень тревоги по поводу личной смерти у девушек значимо выше, чем у юношей ($R1 = 26,84$; $R2 = 36,16$; $U = 336$; $p = 0,04$). Также девушки оказались с более явной тенденцией к тревожному стилю привязанности, в большей степени переживающими страх быть отвергнутыми, опасаящимися разлуки и недостатка любви ($R1 = 20,1$; $R2 = 30,1$; $U = 177,5$; $p = 0,014$).

В группе подростков с неаддиктивным поведением анализ показал значимые различия между мужской и женской выборками по двум показателям. У девушек уровень страха смерти значимо выше, чем у юношей ($R1 = 54,01$; $R2 = 34,86$; $U = 574,5$; $p = 0,001$). Также у девушек уровень страха быть забытой после смерти значимо выше, чем у юношей ($R1 = 38,68$; $R2 = 50,96$; $U = 727$; $p = 0,03$).

Было проведено сравнение отдельно мужской и женской групп между экспериментальной ($R1$) и контрольной ($R2$) группами. Юноши с аддиктивным поведением и с нормальным поведением различались по трем шкалам. Юноши с аддиктивным поведением показали уровень принятия смерти как бегства значительно выше, чем юноши из контрольной группы ($R1 = 42,89$; $R2 = 30,66$; $U = 406,5$; $p = 0,013$). Также юноши различались в тенденциях к «Тревожному стилю привязанности» ($R1 = 38,96$; $R2 = 28,36$; $U = 326$; $p = 0,03$), что позволяет говорить о том, что у юношей с аддиктивным поведением преобладают тенденции к гиперреактивности системы привязанности, проявляющейся в более интенсивном переживании страха быть отвергнутым, более сильными эмоциями, сопровождающими угрозу потери близкого человека, опасением разлуки и переживанием недостатка любви. Значимые различия были найдены в тенденциях к «Избегающему стилю привязанности» ($R1 = 38,3$; $R2 = 28,78$; $U = 342,5$; $p = 0,046$), что позволяет говорить о том, что у подростков с аддиктивным поведением преобладают тенденции к избеганию близости, зависимости в отношениях, открытого проявления чувств, дискомфорта от близости с другими людьми. В целом, сочетание этих шкал позволяет отнести юношей с аддиктивным поведением к подросткам, склонным к робкому стилю отношений.

Девушки с аддиктивным поведением и с нормальным поведением различались по двум шкалам. Уровень избегания темы смерти у девушек с неаддиктивным поведением значимо выше, чем у девушек с аддиктивным поведением ($R1 = 34,06$; $R2 = 45,3$; $U = 560$; $p = 0,04$).

Другое различие проявилось между девушками в тенденциях к «Тревожному стилю привязанности» ($R1 = 47,65$; $R2 = 29,16$; $U = 260,5$; $p < 0,001$), что позволяет говорить о том, что у девушек с аддиктивным поведением преобладают тенденции к гиперреактивности системы привязанности, проявляющейся в более интенсивном переживании страха быть отвергнутым, более сильными эмоциями, сопровождающими угрозу потери близкого человека, опасении разлуки и переживании недостатка любви.

Таким образом, и для юношей, и для девушек характерна тенденция к тревожному стилю привязанности в близких отношениях. В данном исследовании при аддиктивном поведении девушки из контрольной группы в большей степени отличаются по готовности допускать в своих мыслях тему смерти, юноши из контрольной группы в меньшей степени склонны рассматривать смерть как бегство от существующих сложностей.

Результаты интервью

При обработке анкет была выбрана следующая кодировка:

Первый вопрос «В своей жизни Вам доводилось сталкиваться со смертью близких людей» – предполагал категории: 1) «Да», 2) «Нет». Если в комментариях указывали близость родственников, например: «Отец умер от передозировки наркотиков»; «У меня умерла бабушка из-за опухоли мозга, умерла жена брата, была как сестра и много поддерживала. Я постоянно об этом вспоминаю, особенно чувствую вину перед ней, так как не приезжала к ней в больницу, так как употребляла, а когда собралась приехать на день рождения - она умерла» и другие – то выделялись категории: 1) «Нет»; 2) Домашние животные, знакомые; 3) Близкие средней дистанции, например: дядя, тетя, друг; 4) Близкая дистанция, в которую вошли: мать, отец, брат, сестра, дедушка, бабушка.

Вопрос «Доводилось ли в своей жизни сталкиваться с серьезными заболеваниями близких людей?» был закодирован как 1) «Да»; 2) «Нет». Примеры ответов: «Мама - рак легких, заражение крови ВИЧ, СПИД, отец – туберкулез»; «Надеюсь, что не доведется».

Вопрос о субъективном обозначении наличия или отсутствия мыслей о смерти дал категории: 1) «Да»; 2) «Нет». Ответы на вопрос «Как часто Вы задумываетесь о смерти?» были разделены на четыре категории ответов: 1) «Никогда»; 2) «Редко»; 3) «Иногда»; 4) «Часто»; примеры ответов: «Не думаю», «Редко», «Несколько раз в неделю»; «Очень часто», «Каждый день». Вопросы о том, на кого были направлены мысли о смерти были разделены на 4 категории:

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением...

1) «Нет»; 2) «О близких»; 3) «О себе»; 4) «И о себе, и о близких». Ответы на вопросы о чувствах, сопровождающих мысли о смерти, были разделены на следующие категории 1) Страх (примеры ответов: «Паника», «Боязнь»), 2) Злость («Ярость», «Отвращение»), 3) Интерес («Предвкушение», «Адреналин»), 4) Неопределенные негативные («Отрицательные», «Когда плохо»), 5) Грусть («Апатия», «Печаль»), 6) Напряжение («Трудно», «Непринятие»), 7) Безразличие («Равнодушие», «Спокойно»), 8) Боль («Душевная боль», «Отчаяние»), 9) Сильные эмоции («Истерика», «Выброс эмоций»). Ответы на вопрос «Что происходит с человеком после смерти?» были закодированы как: 1) Не знаю (примеры ответов: «не задумывалась», «долго думала, но так и не нашла ответа»); 2) Ничего, Пустота («Небытие, пустота, человек теряет себя и ничего не ощущает»); 3) Сон («Просто крепко спишь без сновидений»); 4) Фактологические («Его хоронят», «Тело кладут в гроб»); 5) Физиологические, биологические («Тело разлагается и потом из останков через 1000 лет вырастают красивые растения и деревья»); 6) Религиозные («Душа попадает в рай»); 7) Реинкарнация («душа переселяется в другое тело»); 8) Исчезновение («Исчезает, все о нем забывают, легко и просто»).

Изучение страха заболеть серьезной болезнью дало три категории ответов: 1) «Нет» («Если об этом думать можно сойти с ума»); 2) «Да» («Боюсь, часто думаю об этом»); 3) «Хочу» («В моей жизни нет ничего ценного, кроме моих родных, хочу заболеть серьезной болезнью и прочувствовать как это, а если умереть как жена брата, то попасть к ней»). Локус контроля в отношении возможности некоторых мер защиты себя от серьезных болезней кодировался как внутренний (1) или внешний (2), также отмечалась альтернатива здорового образа жизни и/или фаталистических идей в отношении здоровья, например: «Что суждено, то суждено, но от ЗППП стоит предохраняться»; «Заниматься спортом, питаться правильно». Ответы на вопросы об отношении к жизни в целом были распределены на три категории: 1) Плохо («Много всего плохого боюсь в этой жизни»); 2) Хорошо («В целом да, но есть и минусы»); 3) «Так и так» («4 из 10», «50 на 50»).

Различия между подростками контрольной и экспериментальной группами были обнаружены в ответах на вопросы об опыте тяжелых болезней близких, частоте мыслей о смерти, направленности мыслей о смерти, в описываемых чувствах – злости, страха, интереса, грусти.

В данной выборке есть значимые различия (Хи-квадрат Пирсона $p = 0,02$, точный критерий Фишера $p = 0,02$) между подростками с аддиктивным поведением и подростками условной группы «норма» в описываемыми ими субъективном опыте наблюдения или участия в

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением... болезнях близких. Всего у 49 подростков (53%) есть опыт перенесенной их близкими серьезной болезни, но такой опыт есть у 15 подростков (R1, 75,0%) с аддиктивным поведением, и у 34 подростков контрольной группы (R2, 44,7%), среди всех подростков, ответивших на этот вопрос. Различий в опыте потери близких на нашей выборке между подростками с аддиктивным поведением и без него обнаружено не было. В общей выборке всего у половины подростков (56%) есть опыт потери близких, при этом треть подростков с аддиктивным поведением (R1, 31%) указали наличие такого опыта, и у двух из трех подростков из контрольной группы (R2, 66%) так же есть такой опыт, но, различия между группами не были значимыми. Таким образом, мы можем предположить, что вместе со склонностью с тревожным стилем привязанности, опыт длительной серьёзной болезни близкого может быть источником такого типа стресса и нагрузки, который в большей степени соответствует аддиктивному поведению в подростковом возрасте.

Также, были обнаружены различия (Хи-квадрат Пирсона $p = 0,001$) по такому параметру, как частота мыслей о смерти. Примерно половина от всех подростков (49,6%) стараются не думать о смерти, и еще 7,9% думают о смерти редко. При этом среди подростков экспериментальной группы (R1) о смерти стараются не думать 37,9%, а думают редко 13,8%, а среди контрольной группы (R2) почти две трети (58,0%) стараются не думать, а думают редко всего 3,7%. Наиболее значительные отличия видны среди групп подростков, думающих иногда (например, «несколько раз в неделю»): это 24,1% в экспериментальной и 4,9% в контрольной; и думающих часто: 24,1% подростков из экспериментальной группы и 33,3% подростков – из контрольной. Таким образом, мы можем отметить, что есть противоречивые данные, что с высокой частотой мыслей о смерти встречаются испытуемые из контрольной группы, что, возможно, получится объяснить далее.

Были получены различия (Критерии хи-квадрат Пирсона, $p = 0,046$) между подростками с аддиктивным поведением и подростками из контрольной группы в направленности мыслей о смерти. Не думают о смерти незначительно больше (3,3%) подростков из контрольной группы. Думают о смерти близких приблизительно одно число подростков и из контрольной (R1, 20%), и из экспериментальной (R2, 20,7%) групп. Основные различия между контрольной и экспериментальной группами – о своей смерти и смерти близких значительно чаще (R2, 17,6%) думают подростки из контрольной группы, о своей смерти значительно чаще (R1, 20,1%) думают подростки с аддиктивным поведением.

Также были обнаружены различия в описании чувств испытуемыми. Испытуемые с аддиктивным поведением гораздо больше называли и описывали чувства, чем испытуемые из контрольной группы, что, возможно, объясняется их нахождением в программе реабилитации, сфокусированной на осознании собственных эмоций, переживаний и за счет этого – повышения саморегуляции. Тем не менее, существуют данные о том, что у подростков с аддиктивным поведением более низкие способности распознавания эмоций, чем в норме [Зайцев, Селиванова, 2017]. Различия были получены по факторам «Страх», «Грусти» и «Интереса», связанных с мыслями о смерти. Из общего числа 43,1% подростков с аддиктивным поведением (R1) называли чувство страха, испуга (Хи-квадрат Пирсона $p = 0,001$, точный критерий Фишера $p = 0,001$), из контрольной группы (R2) – только 14 человек (17,1%). При этом по шкалам опросника «Страх личной смерти» различий между экспериментальной и контрольной группами обнаружено не было.

Различия в называемом чувстве интереса, связанного с мыслями о смерти (Хи-квадрат Пирсона $p = 0,002$, точный критерий Фишера $p = 0,001$) между подростками экспериментальной и контрольной групп показали большее проявление этого переживания для 12,1% подростков с аддиктивным поведением (R1) при отсутствии такого переживания в контрольной группе (R2). Эти данные косвенно могут подтверждаться данными о сочетании большей склонности к риску и поиску новизны, характерному для подростков с аддиктивным поведением [Короленко, 1991].

Подростки из контрольной и экспериментальной группы также различаются (Хи-квадрат Пирсона $p = 0,02$, точный критерий Фишера $p = 0,02$) по фактору грусти, связанному с мыслями о смерти. Подростки с аддиктивным поведением в большей степени (27,6% испытуемых в экспериментальной группе (R1) вместо 12,2% в контрольной группе (R2)) называют грусть как переживание, сопровождающее их мысли о смерти.

Исследование корреляции показало, что на общей выборке шкалы «тревожного стиля привязанности», «избегания темы смерти» и «принятия смерти как бегства» связаны между собой. Показатели по шкале «Тревожный стиль привязанности» методики «Опыт близких отношений» [Чистопольская и др., 2018] связаны со шкалами «Избегание темы смерти» ($p = 0,01$, коэффициент Спирмена $-0,207$) и «Принятие смерти как бегства» ($p = 0,002$, коэффициент Спирмена $-0,263$) опросника «Отношение к смерти» [Чистопольская и др., 2014], также связанных между собой ($p < 0,001$, коэффициент Спирмена $0,374$). Это позволяет предположить, что фактор тревожной тенденции в привязанности может быть ключевым, и

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением... все три фактора являются определенным комплексом, сопровождающим аддиктивное поведение в подростковом возрасте.

Обсуждение результатов

В ходе исследования имели место две побочные переменные: влияние абстинентного синдрома на ответы испытуемых группы с аддиктивным поведением, а также влияние программ реабилитации. Для контроля влияния программ реабилитации, было принято решение опрашивать вновь прибывших пациентов клиник, еще не приступивших, либо недавно приступивших к лечению. Контролем влияния синдрома отмены можно считать тот факт, что пациенты клиник в период абстиненции принимали противотревожные препараты. Однако действие этих препаратов также можно считать побочной переменной.

Согласно результатам, можно заключить, что в данной выборке подростки с аддиктивным поведением в значительно большей степени, чем подростки с неаддиктивным поведением, понимают смерть как спасение, которое освобождает от «бремени жизни», что сближает их с подростками с онкологическими заболеваниями [Медведева, Кадырова, 2019]. Учитывая, что анализ не показал значимых различий между группами по шкале страха смерти, можно предположить, что аддиктивное поведение связано не с низким уровнем страха смерти, а именно со стремлением к смерти. То есть, возможно, для подростков данной выборки аддиктивное поведение – это способ саморазрушения. Это согласуется и с различиями, обнаруженными в описании своих чувств испытуемыми по факторам «Грусти» и «Интереса», связанными с мыслями о смерти: результаты показали, что аддиктивное поведение сопровождается негативными эмоциональными переживаниями в отношении мыслей о собственной смерти, так же как и у подростков с онкологическими заболеваниями [Медведева, Кадыров, 2019]. Важно отметить, что страх смерти очевидно не является достаточным стимулом для регуляции аддиктивного поведения и прекращения употребления, так как сопровождается переживаниями любопытства в отношении смерти, и переживанием смерти как способа облегчения.

Подростки с аддиктивным поведением в меньшей степени склонны к избеганию темы смерти, нежели подростки с неаддиктивным поведением. Это согласуется и с данными Медведевой В.А. и Кадырова Р.В., и с идеей И. Ялома о таких механизмах защиты от подавляемого страха смерти, как высмеивание и компульсивный героизм. И. Ялом пишет, что зачастую подросткам свойственно нарочито сильное увлечение темой смерти, показное бесстрашие, которое может проявляться как в безобидных, высмеивающих тему смерти

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением... стишках, так и в саморазрушительном, рискованном поведении, вплоть до суицидального [Медведева, Кадыров, 2019, Ялом, 2000].

По шкалам «Принятие приближения смерти», «Страх смерти», «Нейтральное принятие», «Последствия для личности», «Страх забвения», «Последствия для тела», «Последствия для близких», «Трансцендентные последствия» и по шкале суммарной тревоги, а также по шкале тенденции избегающего типа привязанности значимых различий между группами не было выявлено. Отсутствие различий по данным шкалам может быть интерпретировано различными способами. Существенное влияние, по данным Н. Ямарино [Ялом, 2000], на страх смерти оказывает опыт смерти даже одного родителя, но по полученным нами данным, различий в этом опыте между испытуемыми контрольной и экспериментальной группы не было. Также, можно предположить, что личностные характеристики, измеряемые данными шкалами, не являются отличительными для каждой из групп.

У подростков с аддиктивным поведением обнаружена тенденция к тревожному стилю привязанности, что говорит о преобладающей для них тенденции к гиперреактивности, проявляющейся в страхе быть отвергнутым, страхе потери близкого человека, опасении разлуки, переживании недостатка любви. Обнаруженные различия между подростками с аддиктивным поведением и подростками из контрольной группы в тенденциях к тревожному стилю привязанности, означающей преобладающей у первых тенденции к гиперреактивности системы привязанности, проявляющейся в более интенсивном переживании страха быть отвергнутым, более сильных эмоциях, сопровождающих угрозу потери близкого человека, опасении разлуки и переживании недостатка любви, также связанного с различиями по двум другим шкалам, говорит о возможном существовании комплекса факторов аддиктивного поведения в подростковом возрасте. Также в данной выборке более половины подростков имеют травмирующий опыт переживания серьезной болезни близкими, что, возможно, в сочетании с низкой переносимостью фрустрации у подростков со склонностью к аддиктивному поведению приводит к восприятию смерти как способа бегства, облегчения, а также к тревоге, что близкого можно лишиться вновь [Короленко, 1991].

Анализ гендерных различий внутри экспериментальной и контрольной групп показал, что среди подростков с аддиктивным и неаддиктивным поведением девушки показывают более высокий страх смерти, нежели юноши. Это согласуется с результатами ряда исследований, показывающих, что женщины демонстрируют в целом более высокую тревожность, нежели

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением... мужчины [Дворянчиков, Борисова, 2013], а также с результатами исследования Д. Темплера, показывающими, что у женщин уровень страха смерти выше, чем у мужчин [Templer et al., 1971].

Результаты интервью, показывающие, что подростки с аддиктивным поведением чаще испытывают страх при мыслях о смерти, нежели подростки группы «норма», противоречат результатам опросников, которые показали, что по шкале страха смерти у подростков нет значимых различий. Помимо этого, подростки из контрольной группы чаще думают о смерти в целом, но подростки из экспериментальной группы чаще думают о своей смерти, нежели подростки контрольной группы, которые больше думают о смерти и своей, и близких. Факт переживания страха смерти подростками с аддиктивным поведением может говорить о том, что мысли о смерти и тревоги сопровождают процесс употребления наркотиков, но при этом не являются механизмом, достаточным для прекращения аддиктивного поведения.

Необходимо учитывать ограничения данного исследования – выборка испытуемых экспериментальной группы состояла из подростков, проходящих реабилитацию, но не находящихся в употреблении, что означает их мотивацию на изменение своего поведения; так как не были включены инструменты контроля социальной желательности, мы не можем быть уверены в искренности испытуемых; мы не можем утверждать, что для испытуемых из контрольной группы абсолютно не характерно аддиктивное поведение, что является следствием принципов формирования контрольной группы.

Благодарности

Авторы выражают благодарность А.Ю. Чернышову, М.В. Фокиной, Е.Е. Берко и В.Я. Готлиб, за помощь в организации исследования.

Литература

Баканова А.А. Системное описание страха смерти. Культурно-историческая психология. 2015. Том 11. № 1. С. 13–23. doi:10.17759/chp.2015110103.

Барцалкина В.В. Терапия последствий детских травм, депривации и насилия как профилактика аддиктивного поведения [Электронный ресурс]. Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2010. Том 2. № 5. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2010/n5/Bartsalkina.shtml. (дата обращения: 17.10.2021)

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением...

Борисова Д.П., Дворянчиков Н.В. Гендерные факторы формирования агрессивного поведения в подростковом возрасте [Электронный ресурс]. Психология и право. 2013. Том 3. № 3. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63776.shtml>. (дата обращения: 23.10.2021)

Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики. 2003. 480 с.

Бриш К. Терапия нарушений привязанности. От теории к практике. М.: Когито-Центр. 2012. 316 с.

Бурменская Г.В. Проблемы онто-и филогенеза привязанности к матери в теории Джона Боулби. Привязанность Дж. Боулби. М.: Гардарики, 2003. С. 5–20.

Дианова Е.С. Исследования роли привязанности в жизни человека. Обзор зарубежных исследований [Электронный ресурс]. Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 4. С. 88–96. doi:10.17759/jmfp.2019080409.

Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика. 1993. 488 с.

Личко А.Е., Битенский В.С. Подростковая наркология. Л., Медицина. 1991. 304 с.

Медведева В.А., Кадыров Р.В. Отношение к жизни и смерти у подростков с онкологическими заболеваниями [Электронный ресурс]. Клиническая и специальная психология. 2019. Том 8. № 4. С. 39–57. doi:10.17759/cpse.2019080403.

Мэй Р. Смысл тревоги. М.: Независимая фирма «Класс», 2001. 384 с.

Рахимкулова А.С., Розанов В.А. Суицидальность и склонность к риску у подростков: Биопсихосоциальный синтез. Суицидология. №2. Т. 4. 2013. с. 7-25.

Сабельникова Н.В., Каширский Д.В. Опросник привязанности к близким людям. Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 84–97.

СтопЗависимость. Статистика по наркозависимым в России в 2019 году: последние цифры исследований // URL: <https://stopz.ru/informaciya/narkomaniya/statistika-po-narkozavisimym-v-rossii/> (дата обращения: 20.10.2021)

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением...

Холмогорова А.Б. Страх смерти: культуральные источники и способы психологической работы. *Консультативная психология и психотерапия*. 2003. Том 11. № 2. С. 120–131.

Чистопольская К. А., Митина О. В., Ениколопов С. Н., Николаев Е. Л., Семикин Г. И., Чубина С. А., Озоль С. Н., Дровосеков С. Э. Адаптация краткой версии “Переработанного опросника — Опыт близких отношений” (ECR-R) на русскоязычной выборке. *Психологический журнал* 2018. Т. 39. №5 С. 87-98 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://ras.jes.su/psy/s207987840000263-8-1> (дата обращения: 25.07.2020). DOI: 10.31857/S020595920000838-7.

Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н. Отношение к смерти после попытки самоубийства: стигматизация и самостигматизация суицидальных пациентов. *Вестник психиатрии и психологии Чувашии*. 2015. Т. 11. № 1. С. 8–20.

Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Семикин Г.И., Казанцева В.Н. Адаптация методики “Опыт близких отношений — переработанный опросник” на русскоязычной выборке и изучение стилей привязанности молодых людей в остром постсуициде. *Психологическая диагностика*. 2015. № 1. С. 6–23.

Шутова Л.В. Страх смерти и смысложизненные ориентации в юношеском возрасте. *Известия ТРТУ. Тематический выпуск «Психология и педагогика»*. 2005. № 5. С. 146—151.

Ялом И. *Экзистенциальная психотерапия*. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. 576 с.

Ainsworth M., Blehar M., Waters E., Wall S. *Patterns of Attachment*. Hillsdale. NJ: Erlbaum, 1978. 392 p.

Allen J.P., Porter M., MacFarland C., McElhaney K.B., Marsh P. The relation of attachment security to adolescents' paternal and peer relationships, depression, and externalizing behavior. *Child Development*. 2007. V. 78. P. 1222–1239.

Bartholomew K., Horowitz L.M. Attachment styles among young adults: A test of a four-category model. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. V. 61. P. 226–244.

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением...

Exploring Relationships: A Systematic Review on Intimate Partner Violence and Attachment / P. Velotti [et al.]. *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. Article 1166. 42 p. doi:10.3389/fpsyg.2018.01166.

Fonagy P., Allison E. The role of mentalizing and epistemic trust in the therapeutic relationship. *Psychotherapy*. 2014. Vol. 51. № 3. P. 372–380. doi:10.1037/a0036505.

Fonagy P., Luyten P., Allison E. Epistemic petrification and the restoration of epistemic trust: A new conceptualization of borderline personality disorder and its psychosocial treatment. *Journal of Personality Disorders*. 2015. No 29. P. 575—609. doi:10.1521/pedi.2015.29.5.57518.

Fraley R.C., Shaver P.R. Adult romantic attachment: Theoretical developments, emerging controversies, and unanswered questions. *Review of General Psychology*. 2000. V. 4. P. 132–154.

Garofalo C., Bogaerts S. Attachment and Personality Disorders Among Child Molesters: The Role of Trust. *Sexual Abuse*. 2017. Vol. 31. No 1. P. 97—124. doi:10.1177/1079063217720928.

Hazan C., Shaver P. Romantic love conceptualized as an attachment process. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. V. 52. P. 511–524.

Hypermentalizing, attachment, and epistemic trust in adolescent BPD: Clinical illustrations / S. Bo [et al.]. *Personality Disorders: Theory, Research, and Treatment*. 2017. Vol. 8. № 2. P. 172–182. doi:10.1037/per0000161.

Kastenbaum R., Aisenberg R. *The psychology of death*. N.Y.: Springer. 1977. 328 p.

Kastenbaum, R. *The psychology of death* (3rd ed.). New York, NY: Springer, 2000.

Kenny M.E., Sirin S.R. Parental attachment, self-worth, and depressive symptoms among emerging adults. *Journal of Counseling and Development*. 2006. V. 84. P. 61–71.

Kerstis B., Åslund C., Sonnby K. More secure attachment to the father and the mother is associated with fewer depressive symptoms in adolescents. *Uppsala Journal of Medical Sciences*. 2018. Vol. 123. № 1. P. 62–67. doi:10.1080/03009734.2018.1439552.

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением...

Larose S., Guay F., Boivin M. Attachment, social support and loneliness in young adulthood: A test of two models. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. V. 28. P. 684–693.

Lazarus H., Kostan L. Psychogenic Hyperventilation and Death Anxiety. *Psychosomatics*, 1969. P. 14–22.

Ma C., Huebner E.C. Attachment in relationships and adolescents' life satisfaction: same relationships matter more to girls than boys. *Psychology in the Schools*. 2008. V. 45 (2). P. 177–190.

Main M., & Solomon J. Discovery of a new, insecure-disorganized / disoriented attachment pattern. *Affective development in infancy/ Eds. Yogman M. & Brazelton T. B. Norwood, NJ: Ablex, 1986. P. 95–124.*

Mikulincer M., Shaver P. Attachment in adulthood: Structure, dynamics, and change. N.Y.: Guilford Press. 2010.

Shaver P.R., Hazan C., Bradshaw D. Love as attachment: The integration of three behavioral systems. *The psychology of love / Eds. R.J. Sternberg, M. Barnes. New Haven, CT: Yale University Press, 1988. P. 68–99.*

Tasca G.A. Attachment and eating disorders: a research update. *Current Opinion in Psychology*. 2019. Vol. 25. P. 59–64. doi:10.1016/j.copsyc.2018.03.003.

Templer D., Ruff C., Franks C. Death Anxiety; Age, Sex, and Parental Resemblance in Disease Populations. *Developmental Psychology*, 1971. P.108.

Поступила в редакцию 22 сентября 2020 г. Дата публикации: 31 октября 2021г.

Сведения об авторах

Абрамян Зинаида Ашотовна. Магистрантка факультета психологии института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, проспект Вернадского, 82, строение 1, 119571 Москва, Россия.

E-mail: ms.zinaida.abramyan@mail.ru

Хломов Кирилл Данилович. Кандидат психологических наук, начальник психологической службы, старший научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований факультета психологии института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, проспект Вернадского, 82, строение 1, 119571 Москва, Россия.

E-mail: khlomov-kd@universitas.ru

Ссылка для цитирования

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением: «Как употребил, сразу думаю о смерти» // Психологические исследования. 2021. Т. 14, № 79. С. 3. URL: <http://psystudy.ru>

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2021v14n79/1940-abramyan79.html>

Abramyn Z.A.¹, Khlomov K.D.¹ Role of the movements in insight problem solving

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

The current article is focused on the attitudes to death and attachment in adolescents with addictive behavior. Participants of the study included adolescents with addictive behavior and healthy adolescents (no history of drug abuse). Investigation of the attitudes to death and attachment consisted of the content analysis of the conducted interviews as well as the following questionnaires: "Attitude to death", "Fear of personal death" and the "Experience of close relationships". There were no significant differences between the two groups on the scale of fear of death. However, the differences in attitudes to death and the content of experiences associated with it, were found. Also, the results showed that adolescents with addictive behavior tend to form the anxious attachment style.

Keywords: attitude to death, adolescence, addictive behavior, attachment, fear of death

Acknowledgements

The authors express their gratitude to A.Y. Chernyshov, M.V. Fokina, E.E. Berko and V.Ya. Gottlieb for their help in organizing the study.

References

Bakanova A.A. Sistemnoe opisanie straha smerti. Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2015. Vol 11. No. 1. P. 13–23. doi:10.17759/chp.2015110103. (In Russian)

Barcalkina V.V. Terapiya posledstvij detskih travm, deprivacii i nasiliya kak profilaktika addiktivnogo povedeniya [Elektronnyj resurs]. Psihologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru. 2010. Vol 2. No. 5. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2010/n5/Bartsalkina.shtml. (Accessed: 17.10.2021) (In Russian)

Borisova D.P., Dvoryanchikov N.V. Gendernye faktory formirovaniya agressivnogo povedeniya v podrozkovom vozraste [Elektronnyj resurs]. Psihologiya i pravo. 2013. Vol 3. No. 3. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63776.shtml>. (Accessed: 23.10.2021) (In Russian)

Boulbi Dzh. Privyazannost'. M.: Gardariki. 2003. 480 s. (In Russian)

Brish K. Terapiya narushenij privyazannosti. Ot teorii k praktike. M.: Kogito-Centr. 2012. 316 s.

Burmenskaya G.V. Problemy onto-i filogeneza privyazannosti k materi v teorii Dzhona Boulbi.

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением...

Privyazannost' Dzh. Boulbi. M.: Gardariki, 2003. P. 5–20. (In Russian)

Dianova E.S. Issledovaniya roli privyazannosti v zhizni cheloveka. Obzor zarubezhnyh issledovaniy [Elektronnyj resurs]. Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya. 2019. Vol 8. No. 4. P. 88–96. doi:10.17759/jmfp.2019080409. (In Russian)

K'erkegor S. Strah i trepet. M.: Respublika. 1993. 488 s. (In Russian)

Lichko A.E., Bitenskiy V.S. Podrostkovaya narkologiya. L., Medicina. 1991. 304 s. (In Russian)

Medvedeva V.A., Kadyrov R.V. Otnoshenie k zhizni i smerti u podrostkov s onkologicheskimi zabolevaniyami [Elektronnyj resurs]. Klinicheskaya i special'naya psihologiya. 2019. Vol 8. No. 4. P. 39–57. doi:10.17759/cpse.2019080403. (In Russian)

Mej R. Smysl trevogi. M.: Nezavisimaya firma «Klass», 2001. 384 p. (In Russian)

Rahimkulova A.S., Rozanov V.A. Suicidal'nost' i sklonnost' k risku u podrostkov: Biopsihosocil'nyj sintez. Suicidologiya. No.2. Vol. 4. 2013. P. 7-25. (In Russian)

Sabel'nikova N.V., Kashirskij D.V. Oprosnik privyazannosti k blizkim lyudyam. Psihologicheskij zhurnal. 2015. Vol. 36. No. 4. P. 8– 97. (In Russian)

StopZavisimost'. Statistika po narkozavisimym v Rossii v 2019 godu: poslednie cifry issledovaniy. URL: <https://stopz.ru/informaciya/narkomaniya/statistika-po-narkozavisimym-v-rossii/> (Accesed: 20.10.2021) (In Russian)

Holmogorova A.B. Strah smerti: kul'tural'nye istochniki i sposoby psihologicheskoy raboty. Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya. 2003. Vol. 11. No. 2. P. 120–131. (In Russian)

Chistopol'skaya K.A., Mitina O.V., Enikolopov S.N., Nikolaev E.L., Semikin G.I., Chubina S.A., Ozol' S.N., Drovosekov S.E. Adaptaciya kratkoj versii “Pererabotannogo oprosnika — Opyt blizkih otnoshenij” (ECR-R) na russkoyazychnoj vyborke. Psihologicheskij zhurnal 2018. Vol. 39. No.5 P. 87-98 [Elektronnyj resurs]. Dostup dlya zaregistrirovannyh pol'zovatelej. URL: <http://ras.jes.su/psy/s207987840000263-8-1> (Accesed: 25.07.2020). DOI: 10.31857/S020595920000838-7. (In Russian)

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением...

Chistopol'skaya K.A., Enikolopov S.N. Otnoshenie k smerti posle popytki samoubijstva: stigmatizaciya i samostigmatizaciya suicidal'nyh pacientov. Vestnik psihiatrii i psihologii CHuvashii. 2015. Vol. 11. No. 1. P. 8–20. (In Russian)

Chistopol'skaya K.A., Enikolopov S.N., Nikolaev E.L., Semikin G.I., Kazanceva V.N. Adaptaciya metodiki “Opyt blizkih otnoshenij — pererabotannyj oprosnik” na russkoyazychnoj vyborke i izuchenie stilej privyazannosti molodyh lyudej v ostrom postsuicide. Psihologicheskaya diagnostika. 2015. No. 1. P. 6–23. (In Russian)

Shutova L.V. Strah smerti i smyslozhiznennyye orientacii v yunosheskom vozraste. Izvestiya TRTU. Tematicheskij vypusk «Psihologiya i pedagogika». 2005. No. 5. P. 146—151. (In Russian)

Yalom I. Ekzistencial'naya psihoterapiya. M.: Nezavisimaya firma «Klass», 2000. 576 p. (In Russian).

Ainsworth M., Blehar M., Waters E., Wall S. Patterns of Attachment. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978. 392 p.

Allen J.P., Porter M., MacFarland C., McElhaney K.B., Marsh P. The relation of attachment security to adolescents' paternal and peer relationships, depression, and externalizing behavior. Child Development. 2007. V. 78. P. 1222–1239.

Bartholomew K., Horowitz L.M. Attachment styles among young adults: A test of a four-category model. Journal of Personality and Social Psychology. 1991. V. 61. P. 226–244.

Exploring Relationships: A Systematic Review on Intimate Partner Violence and Attachment / P. Velotti [et al.]. Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. Article 1166. 42 p. doi:10.3389/fpsyg.2018.01166.

Fonagy P., Allison E. The role of mentalizing and epistemic trust in the therapeutic relationship. Psychotherapy. 2014. Vol. 51. № 3. P. 372–380. doi:10.1037/a0036505.

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением...

Fonagy P., Luyten P., Allison E. Epistemic petrification and the restoration of epistemic trust: A new conceptualization of borderline personality disorder and its psychosocial treatment. *Journal of Personality Disorders*. 2015. No 29. P. 575—609. doi:10.1521/pedi.2015.29.5.57518.

Fraley R.C., Shaver P.R. Adult romantic attachment: Theoretical developments, emerging controversies, and unanswered questions. *Review of General Psychology*. 2000. V. 4. P. 132–154.

Garofalo C., Bogaerts S. Attachment and Personality Disorders Among Child Molesters: The Role of Trust. *Sexual Abuse*. 2017. Vol. 31. No 1. P. 97—124. doi:10.1177/1079063217720928.

Hazan C., Shaver P. Romantic love conceptualized as an attachment process. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. V. 52. P. 511–524.

Hypermentalizing, attachment, and epistemic trust in adolescent BPD: Clinical illustrations / S. Bo [et al.]. *Personality Disorders: Theory, Research, and Treatment*. 2017. Vol. 8. № 2. P. 172–182. doi:10.1037/per0000161.

Kastenbaum R., Aisenberg R. *The psychology of death*. N.Y.: Springer. 1977. 328 p.

Kastenbaum, R. *The psychology of death* (3rd ed.). New York, NY: Springer, 2000.

Kenny M.E., Sirin S.R. Parental attachment, self-worth, and depressive symptoms among emerging adults. *Journal of Counseling and Development*. 2006. V. 84. P. 61–71.

Kerstis B., Åslund C., Sonnby K. More secure attachment to the father and the mother is associated with fewer depressive symptoms in adolescents. *Uppsala Journal of Medical Sciences*. 2018. Vol. 123. № 1. P. 62–67. doi:10.1080/03009734.2018.1439552.

Larose S., Guay F., Boivin M. Attachment, social support and loneliness in young adulthood: A test of two models. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. V. 28. P. 684–693.

Lazarus H., Kostan L. Psychogenic Hyperventilation and Death Anxiety. *Psychosomatics*, 1969. P. 14–22.

- Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением...
- Ma C., Huebner E.C. Attachment in relationships and adolescents' life satisfaction: same relationships matter more to girls than boys. *Psychology in the Schools*. 2008. V. 45 (2). P. 177–190.
- Main M., & Solomon J. Discovery of a new, insecure-disorganized / disoriented attachment pattern. *Affective development in infancy*/ Eds. Yogman M. & Brazelton T. B. Norwood, NJ: Ablex, 1986. P. 95–124.
- Mikulincer M., Shaver P. *Attachment in adulthood: Structure, dynamics, and change*. N.Y.: Guilford Press. 2010.
- Shaver P.R., Hazan C., Bradshaw D. Love as attachment: The integration of three behavioral systems. *The psychology of love* / Eds. R.J. Sternberg, M. Barnes. New Haven, CT: Yale University Press, 1988. P. 68–99.
- Tasca G.A. Attachment and eating disorders: a research update. *Current Opinion in Psychology*. 2019. Vol. 25. P. 59–64. doi:10.1016/j.copsy.2018.03.003.
- Templer D., Ruff C., Franks C. Death Anxiety; Age, Sex, and Parental Resemblance in Disease Populations. *Developmental Psychology*, 1971. P.108.

Information about authors

Abramyan Zinaida A. Undergraduate student of the Psychology Faculty of the Institute of Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, prosp. Vernadskogo, 82-1, 119571 Moscow, Russia.

E-mail: ms.zinaida.abramyan@mail.ru

Khломov Kirill D. Candidate of Psychological Sciences, head of the Psychological Service, Senior Researcher at the Cognitive Research Laboratory of the Faculty of Psychology of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, prosp. Vernadskogo, 82-1, 119571 Moscow, Russia.

E-mail: khломov-kd@universitas.ru

To cite this article

Абрамян З.А., Хломов К.Д. Отношение к смерти у подростков с аддиктивным поведением...
Abramyan Z.A., Khlomov K.D. Attitude to death in adolescents with addictive behavior: "As soon as I use it, I immediately think about death". *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2021, Vol. 14, No. 79, p. 3. <http://psystudy.ru>